

Вера
КРЫЖАНОВСКАЯ

Сочинения



Вера Крыжановская-Рочестер

Болотный цветок

«Public Domain»

1907

Крыжановская-Рочестер В. И.

Болотный цветок / В. И. Крыжановская-Рочестер — «Public Domain», 1907

«Болотный цветок» – история жизни девушки, принесенной в жертву беспутству и легкомыслию. Преодолев религиозный фанатизм, жестокость и насилие, героиня романа обретает покой и счастье в любви.

© Крыжановская-Рочестер В. И., 1907

© Public Domain, 1907

Содержание

I	5
II	11
III	19
IV	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Вера Ивановна Крыжановская

Болотный цветок

I

Был тихий августовский вечер. На большой террасе виллы Коллеони, в Монако накрывали вечерний чай, и сама хозяйка наблюдала за приготовлениями.

Эмилия Карловна Коллеони была видная женщина лет пятидесяти; белое и свежее, с приветливыми чертами лицо сохранило следы красоты, большие голубые глаза отражали чрезвычайную доброту, и лишь седые, серебристые волосы обнаруживали наступающую старость.

Была она урожденной баронессой Фарнроде, но выход замуж за скромного художника повлек за собой общее неудовольствие и почти полный разрыв с семьей. Хотя лет восемь тому назад, уже после смерти мужа, у нее и произошло примирение с родными благодаря стараниям ее племянника, барона Реймара, очень расположенного к тетке и ее покойному мужу, тем не менее с некоторыми членами семьи, а особенно с женой брата, рожденной графиней Земовецкой, отношения все-таки остались натянутыми. Впрочем, это охлаждение родственников нимало не тревожило Эмилию Карловну. Муж оставил ей хорошее состояние, вполне ее обеспечивавшее, и чудную, окруженную садом виллу, в которой она жила, занимая нижний этаж и сдавая верх богатым иностранцам.

– А пришел ли барон с прогулки, Мариетта? – спросила она у горничной итальянки, ставившей на стол чайную посуду.

– Да, синьор барон вернулся с полчаса тому назад и сидит у себя в комнате.

– Так сходи и попроси его пить чай.

И поставив цветы в вазу, она еще раз окинула взглядом накрытый стол с тонкой посудой, старинным массивным серебром, обильно уставленный свежим печеньем, маслом, сыром и холодной дичью.

Не успела Мариетта исполнить ее приказание, как балконная дверь открылась и на террасу вошел племянник.

– Добрый вечер, тетя. Прости, я кажется, заставил тебя ждать? – спросил он, целуя у нее руку.

– Нисколько, мой милый. Мы с Мариеттой только что закончили наши приготовления.

Барон Реймар Фарнроде был человеком высокого роста, плотного сложения, но стройный.

Холодная и даже надменная манера себя держать смягчалась приветливым выражением лица. В больших голубых глазах светились ум и энергия; из-под тонких усов виднелись красиво очерченный рот и ряд ослепительно белых зубов.

Уже два месяца молодой барон гостил на вилле Коллеони и начинал поговаривать об отъезде, но тетка все удерживала его, окружая лаской и закармливая любимыми блюдами.

Сидя за столом, племянник с тетушкой оживленно болтали. В это время у чугунной садовой калитки остановился экипаж, и тотчас из дома выскочила горничная в плюсовой наколке, пробежала через сад и стала что-то наказывать кучеру.

– Адаурова опять снаряжается в Монте-Карло. Какую она отчаянную игру ведет! Смотри, тетя, не остаётся бы тебе при одном приятном воспоминании, что приютила эту красавицу, – усмехаясь заметил барон, накладывая на тарелку кусок дичи. – В этом отношении я спокойна: она мне уплатила за четыре месяца вперед. Кого мне от души жаль, так это Марину. Бедная девочка производит тяжелое впечатление: в ее глазах столько грусти и усталости. А как она

хороша, даже слишком хороша для той обстановки, в которой живет. Но, конечно, рядом с матерью она много теряет, потому что та ослепительно прекрасна. Опасная женщина.

Барон покраснел.

– Опасны они обе, только с той разницей, что одна еще не сознает своей оболъстительности, а другая ею злоупотребляет! Вообще, мамаша особа подозрительная. Ты не знаешь, есть у нее какие-нибудь средства, или все эти роскошные экипажи и туалеты оплачиваются щедротами моего милейшего кузена Земовецкого? В таком случае она ему здорово вскочит. Меня это интересует ввиду некоторых, хотя и сомнительных прав на наследство, – рассмеялся барон.

– Ну, я не думаю, чтобы твоя бабушка распустила вожжи, раз дело касается денег; у графини Ядвиги ручка крепкая, очень-то не раскутишься, – с улыбкой ответила тетка. – А о частной жизни Адауровой я мало знаю; так, кое-какие указания Марины, да рассказы, может быть и прикрашенные, одной русской дамы, живущей на вилле Бальмора, которая уверяет, будто знает их.

– Расскажи, расскажи, тетя. Я хотел бы проверить одно предположение, которое на днях пришло мне в голову...

Он остановился, потому что дверь подъезда отворилась. С крыльца сошли две дамы и направились к ожидавшему их экипажу.

Одна из них, лет тридцати пяти, была в полном смысле слова красавицей. Черное кружевное платье и большая черная шляпа с перьями резко оттеняли мраморную белизну лица и металлический отлив чудных пепельных волос. Черты были тонкие и правильные. Лихорадочный блеск красивых глаз и нежный румянец, игравший на щеках, производили впечатление чего-то болезненного. В руках у нее была шитая золотом накидка и перламутровый инкрустированный мешочек.

Она вполголоса разговаривала с шедшей рядом дочерью – стройной молодой семнадцатилетней девушкой. Пышные пепельные, как и у матери, волосы обрамляли прелестное личико матовой белизны и без малейшего румянца; даже тонкие губы с красивым, но резким изгибом казались бледно-розовыми. Вся жизнь этого чистого, как фарфор, личика сосредоточилась в глазах, обрамленных длинными пушистыми ресницами. Выражение лица было задумчивое, почти суровое. На ней было голубое батистовое платье и большая соломенная шляпа, украшенная чайными розами.

– И к чему она таскает с собой дочь в этот притон, где девушка должна присутствовать при том, как Станислав ухаживает за ее мамашей, – с неудовольствием, хмуря брови, заметил барон.

Затем он встал и, опершись на балконные перила, смотрел, как дамы усаживались в экипаж.

– Ты, тетя, хотела мне рассказать про Адаурову, – сказал Реймар, снова сядя за стол. – Видишь ли, одна из моих кузин, Юлианна Червинская, замужем за неким генералом Адауровым, который, кажется, развелся с первой женой. Так вот эта разведенная жена – не твоя ли жилища?

– А ты с ним знаком?

– Нет, я с ним не встречался, да и Юлианну не видал, по крайней мере, лет десять. Она воспитывалась в Варшаве, и на ее свадьбе я не мог быть потому, что тогда отец был при смерти.

– Твое предположение, может быть, верно. Марина мне только намекала на прошлое матери; зато мадам Шванеман, та русская дама, про которую я тебе говорила, рассказывала мне про Адаурову разные разности. Ты знаешь, русские не привыкли щадить своих; хотя, впрочем, она говорила, что Адаурова – жертва несчастного супружества.

Вышла она по страстной любви, но муж ее обманывал, сойдясь с женой какого-то моряка, бывшего в дальнем плавании. История эта дошла, наконец, до Надежды Николаевны. Узнав, что муж принимает свою даму сердца на их квартире, пока она была в деревне, а супруг прожи-

вал в городе, удерживаемый службой, она их накрыла... Приготовилась ли она заранее, будучи уверена, что захватит виновных, или оружие нечаянно попало ей в руки, но она застрелила при этом свою соперницу. Лишь благодаря связям удалось потушить это дело: дама была убита, и скандал все равно ее не воскресил бы. После этого Адаурова потребовала развода и взяла к себе дочь, которой было тогда семь лет. Говорят даже, будто девочка была свидетельницей убийства, но я этому не верю.

Располагая личными и довольно значительными средствами, она всегда жила богато и широко; но прожила ли она свое состояние, я – не знаю, хотя это вполне возможно ввиду ее страсти к игре. По мнению мадам Шванеман, она дурит, чтобы заглушить любовь к мужу, которого все еще не может забыть. Кроме того она морфинистка и злоупотребляет этим, по словам доктора Морелли.

– Грязная история и в результате – разбитая жизнь. Но тот ли это генерал Адауров или нет, все равно. Я не понимаю, как отец решается оставлять свою дочь на руках подобной матери, – заметил барон.

В это время Мариетта подала вечернюю почту, и Реймар принялся за чтение газет, а тетка сошла в сад наблюдать за поливкой цветов и газона.

Эмилия Карловна уже кончала свой обход сада, когда стук остановившегося у калитки экипажа привлек ее внимание.

Это вернулась Адаурова дочь и, увидав хозяйку, подошла к ней здороваться.

– Вы уже вернулись, Марина Павловна, – с улыбкой встретила ее та.

– Я только проводила маму до казино. Я не могу там оставаться: в зале так шумно и душно, что у меня голова кружится и не хватает воздуха. Кроме того, я ненавижу игру, а бречанье денег и громкие окрики крупье мне действуют на нервы. Поэтому я всегда только мешаю маме.

– Вы так и останетесь наверху одна до приезда мамы?

– Да, конечно. Дома так хорошо: тихо и воздух такой чудный, мягкий; а я люблю тишину и покой. Я все какая-то усталая...

– Нет, это невозможно. Вы напьетесь с нами чаю на балконе, а вашу шляпу и перчатки я отошлю.

Марина, видимо, колебалась.

– Благодарю вас, вы очень добры. Правда, у нас скучновато, когда никого нет дома. Но вы не одни, с вами ваш племянник... – в замешательстве пробормотала она.

– Так что же? Это ничего не значит. Или вы его боитесь? Совершенно напрасно, он совсем не злой, – засмеялась Эмилия Карловна и, взяв под руку молодую девушку, повела ее к террасе.

– Вот привела свою любимицу и прошу тебя, Реймар, развлечь ее, пока я занята с садовником, – поднимаясь на ступеньки крикнула она племяннику. – Должна предупредить, что она тебя боится.

Барон вскочил и пошел навстречу.

– Что я слышу, Марина Павловна? Вы меня боитесь, отчего? Я никогда не считал себя таким страшным, чтобы пугать молодых барышень, – весело улыбаясь сказал барон, удерживая протянутую ему ручку в своей.

Он повернул кнопку, и яркий электрический свет озарил Марину, которая остановилась у кресла хрупкая и нежная, точно видение. Большие бархатные глаза застенчиво и грустно смотрели на него; даже в эту минуту личико ее осталось бледным.

Барон восторженно глядел на нее, и в голове его мелькнула мысль:

«Тетя права, она дивно хороша!»

– Ну-с, признавайтесь – почему вы меня боитесь?

Марина тряхнула хорошенькой головкой.

– Я не то что именно боюсь, хотя у вас и очень строгий взгляд. Но я знаю, что вы осуждаете нас, особенно маму; я это прочла в ваших глазах, а кроме того еще что-то, похожее на презрение, – она глубоко вздохнула.

Яркая краска залила лицо барона. Он взял похолодевшую руку Марины и крепко пожал ее.

– Вы преувеличиваете и несправедливы, – виноватым тоном заговорил он. – Могу ли я презирать такую невинную душу, как вы? Но я хочу быть откровенным: вашу мать я осуждаю за то, что она водит свою дочь в эту игорную трущобу, притон дьявола; но это и все, клянусь вам. Да какое же право, наконец, я имею делаться вашим судьей?

– Да кто же может запретить вам высказывать ваше мнение? На прошлой неделе я невольно слышала ваш разговор, когда вы жестоко осуждали маму. Я могу только сказать, что вы несправедливы и не знаете, что она глубоко несчастна и страдает; все это она делает для того, чтобы забыться...

Барон еще гуще покраснел, вспомнив как беспощадно выразился перед теткой об ее матери.

Ему теперь было совестно, но не мог же он сказать Марине, что на матери лежат другие обязанности, а не только искание забвения в безумствах, хотя бы и для того, чтобы заглушить свое горе. Но он нашелся.

– Мать должна посвящать все силы души, всю любовь, на которую способно ее сердце, заботам о своем ребенке, а у вашей мамы не хватает, кажется, для вас времени.

В голосе, помимо его воли, послышалось все-таки осуждение, и Марина, снимавшая в это время печатки, нерешительно взглянула на него.

– Вот у вас опять этот строгий вид, которого я так боюсь; а все же вы ужасно неправы. Мама меня любит, она меня не отпустила от себя; вот папа меня не любит и за десять лет ни разу не попытался меня повидать.

Облачко грусти набежало на нежное личико Марины.

– А воспитывались вы дома, при вашей маман?

– Воспитывалась? Да везде понемногу, но до одиннадцати лет провела у мамы. Я была болезненна и учиться много не могла, а моя гувернантка Сюзанн больше занималась хозяйством в доме и гостями, чем мной. Обо мне часто забывали, и я нередко засыпала где-нибудь в кресле, не раздеваясь. У меня была полная свобода лакомиться сколько угодно, я присутствовала на обедах и ужинах, когда бывали гости, но мне, конечно, становилось скучно. Все играли в карты, Сюзанн шепталась с каким-нибудь волочившимся за ней офицером, а я забывюсь, бывало, куда-нибудь в угол и сплю...

Потом мама отдала меня в пансион в Женеве, где я пробыла четыре года. Это было счастливое время, и там я, по крайней мере, отдохнула: вовремя вставала и вовремя ложилась, а главное училась. Я любила учиться, да и все преподаватели были очень добры ко мне. А прошлой весной мама объявила, что мое образование кончено, и взяла меня из пансиона. Лето мы провели в Виши, потом поехали в Биарриц, а затем вернулись в Париж, где мама живет постоянно.

Зима опять была крайне утомительна: одни только балы, театры, визиты и нескончаемые совещания с портнихами. Такая, право, тоска, а главное ни минуты отдыха. Зато как я обрадовалась, когда в феврале на весь пост я поехала к своей тетке, игуменье, в монастырь. Ах, если бы вы только знали, как чудно я провела время.

Марина оживилась, и в ее лучистых глазах вспыхнуло восторженное настроение.

– Там я снова научилась молиться, что совершенно забыла. С тех пор, как меня разлучили с папой и старой няней, никто не говорил со мной ни о Боге, ни о молитве.

– Как, а в пансионе?

– Там воспитанницы были либо лютеранки, либо католички, и я, как православная, не присутствовала на уроках закона Божия, а общие молитвы меня не трогали. Зато в монастыре дело было иное.

Во-первых, я здесь столкнулась с богомольцами, которые отовсюду, и часто издалека, стекались на поклонение святыням; а глубокая, твердая вера этих бедняков не могла не тронуть мое сердце. Затем, тихая жизнь и непрерывная, неслышная работа в обители необыкновенно успокоительно на меня действовали; мне казалось, точно вся мирская суета, все страсти и горести людские остались где-то там, далеко за святой оградой и не смеют перешагнуть за ее врата. Особенно хорошо было в церкви на вечерней службе: просторный храм тонул в таинственном сумраке, сквозь облака кадильного дыма блестели, точно звезды, огни лампад перед иконами, а дивное монастырское пение убаюкивало и уносило душу от земли и ее невзгод ввысь.

Но счастье мое было кратко: через несколько дней приехала мама и увезла меня из монастыря сюда...

Марина глубоко вздохнула.

Барон глядел на нее, как очарованный.

– Вам жаль монастыря? – вполголоса спросил он.

– Да, очень жаль. Вы поняли меня? А представьте себе, когда я описала все это маме, она так странно рассмеялась и сказала:

– Какие глупости! Наши молитвы людские не доходят до Бога и святых, а потому совершенно излишне их беспокоить. Наша же судьба иная. Мы с тобой «болотные цветы» и выросли на зыбкой, ядовитой почве. Она нас питает, но в конце концов непременно затянет...

Разумеется, эти мамины слова внушены ей ее горем, но они меня все-таки крайне огорчили...

Марина, видимо, взволновалась. Барон молчал; его охватило чувство глубокой жалости к этому молодому существу, покаяние которого раскрыло перед ним целый мир духовной нищеты.

Голос подошедшей Эмилии Карловны вывел из задумчивости Реймара и рассеял грустные думы Марины.

– Как, вы все еще в шляпе?

– Мы тут заговорились, а я про нее и забыла, – ответила Марина, принимая с благодарной улыбкой букет, который поднесла ей хозяйка.

Разговор принял другое направление, и было уже около двенадцати часов, когда гостя простилась и ушла к себе.

Барон, облокотясь на стол, так задумался, что наблюдавшая за ним тетка тронула его за рукав и спросила, о чем он мечтает.

– О Марине Адауровой. Ты права, что бедная девушка заслуживает сожаления, а у ее матери нет, должно быть, ни капли совести. Марина – натура отзывчивая и, по-видимому, богато одаренная, а эта полоумная ее систематически портит. Ну, что она видит и слышит? Ведь это ужасно, если она понимает, какую жизнь ведет ее мать.

– Я не думаю, чтобы она вполне отдавала себе отчет в том, что творится вокруг. Марина считает свою мать несчастной. Может быть, та и в самом деле несчастна и в ее беспорядочной жизни есть смягчающие обстоятельства и мотивы, – со вздохом ответила ему тетка.

Барон встал и ходил по террасе, но при последних словах тетки он вдруг остановился.

– Это для нее не оправдание, тетя, – перебил он ее. – Чем бы ни увлеклась женщина, как бы ни была она беспутна, одно чувство должно быть для нее чисто и свято – материнская любовь. А эта... ничего знать не хочет, кроме своей ревности, и приносит ей в жертву своего ребенка, которого и увезла-то с собой не для того, чтобы всецело посвятить себя его воспитанию, а, вероятно, назло мужу, любившему дочь; иначе, она не отняла бы ее у него. А что она делает с Мариной? Она не обращает на девушку никакого внимания, глумится над ее

добрыми порывами и всюду таскает ее за собой, делая свидетельницей своих сумасбродств, любовных приключений и мотовства, которыми эта особа заглушает, видите-ли, свою досаду и ревность... Нет, не говори мне про эту тварь и не старайся ее оправдать.

Барон, видимо, был взбешен и поспешно простился с теткой.

II

Помещение, занимаемое Адауровыми, состояло из пяти роскошно мебелированных комнат с двумя балконами и двух людских.

У Марины была своя комната с балконом, выходившая в сад. Она очень любила свой уютный уголок, обтянутый розовым кретоном и пропитанный свежим, душистым запахом, доносившимся из цветущего сада.

Вернувшись к себе, Марина надела легкий батистовый капот, дала заплести свои роскошные волосы и села читать.

Стук экипажа, остановившегося у садовой калитки, прервал ее чтение. Догадавшись, что вернулась мать, она встала, распорядилась подать ужин и пошла навстречу, но вид матери испугал ее.

Надежда Николаевна почти упала в кресло и голова ее откинулась на спинку. Цветущий цвет лица сменила землистая бледность; вокруг глаз были черные круги, взгляд потух, щеки ввалились и даже рот как-то опустился; во всей фигуре ясно виднелось полное истощение. В каких-ни-будь несколько часов блестящая, красивая львица превратилась в старуху.

Марина знала, что мать прибегает к морфину и без него ослабевает, но в таком положении она никогда еще ее не видела.

– Ты больна, мама? – испуганно вскрикнула она.

– Нет, нет, не пугайтесь, это только сильная слабость, – ответила бойкая горничная, приготавливая на столе все, что нужно. – Вот я сделаю впрыскивание, и все пройдет, а вы тем временем приготовьте чашку чаю.

Когда Марина вернулась с чашкой в руках, откинутый рукав платья указывал, что впрыскивание произведено, а мать постепенно оправлялась и оживала; она схватила поданную ей чашку и жадно выпила ее до дна.

– Merci, monenfant,¹ не тревожься. Это ничего, только противная слабость, да и то уж она проходит: я сегодня слишком злилась. Поверишь ли, весь вечер мне страшно не везло, но зато завтра я непременно отыграюсь.

– Пойдем, скушай что-нибудь, тебя это подкрепит.

– Нет, я ужинать не буду. Я хочу спать и отдохнуть, чтобы собраться с силами на завтра. А ты, Мара, иди ложись.

Адаурова поцеловала дочь и ушла к себе. Когда горничная раздевала ее, она спросила, не было ли письма.

– Как же. Простите, сударыня, я забыла, – ответила та и, взяв с ночного столика толстое письмо, подала ей на серебряном подносыке.

Адаурова торопливо сорвала конверт. Но по мере того, как она пробежала письмо глазами, лицо ее бледнело, и, наконец, письмо выпало из рук.

И было чего испугаться. Она послала требование о немедленном переводе ей денег, но управляющий писал в ответ, что ничего не может ей прислать.

– Что с вами, сударыня? – испуганно вскрикнула горничная.

– Так, ничего, Фаншетта: просто получила дурное известие. Ступайте себе, мне надо писать, ответ.

Оставшись одна, Надежда Николаевна прошла несколько раз по комнате в большом волнении; затем она села и, облокотясь о стол, задумалась. Бледное лицо покрылось красными пятнами, и на нем ясно отражалась переживаемая внутренняя борьба: губы нервно вздрагивали, и глаза лихорадочно горели.

¹ Спасибо, дитя мое.

– Да! Дальше тянуть не стоит, надо кончать... О, как надоела мне жизнь! Ничего, ничего она не дала, – злобно прошептала она. – Болото меня затянуло: я чувствую, оно подступает и душит... Каждый тяжелый удар больного сердца, каждое впрыскивание морфина, дающее мне лишь мнимую бодрость, но медленно убивающее, приближает меня к роковой развязке. Вот еще! Стану я бороться с нищетой, отказываться от своих привычек, окружающего комфорта и выносить насмешливые сочувственные взгляды завистников?... Как бы не так! Нет, нет и нет!

Она вскочила с кресла.

– Я хочу, я жажду покоя. Да меня здесь ничто и не удерживает.

Она подбежала к письменному столу и набросала несколько строк.

– Вот все, что могу я сделать для Марины, чтобы она не осталась совершенно одна, без поддержки... В доме отца у нее будет известное положение. И, по правде говоря, что она теряет со мной? Что могу я ей дать? Цыганскую жизнь и ничего больше...

Она сложила бумагу и позвонила.

– Эту телеграмму надо поскорее отправить, вот вам десять франков. А потом ложитесь спать; я еще буду писать и разденусь сама.

Рассеянным взглядом проводила она уходившую горничную и несколько мгновений смотрела на закрывшуюся уже дверь, а потом перевела, по привычке, глаза на передний угол, но там было пусто.

Марина только у себя повесила образ и зажигала перед ним лампаду.

Надежде Николаевне стало досадно на себя за свое малодушие, и она сердито отвернулась. Ведь она же не верит ни в Бога, ни в черта и не допускает, что молитва может быть услышана или исполнена...

Даже в эту минуту, когда она собралась в далекий неведомый путь, ожесточенная душа была нема, в сердце не нашлось ни одного порыва.

Наоборот, по ее убеждению, в ее погибшей жизни и испытанных страданиях повинно было Небо.

Она вздрогнула, и холодная дрожь пробежала по телу. Не совесть ли шевельнулась у нее в этот страшный, роковой час и шепнула ей грустную истину? Но она быстро провела рукой по лицу, словно желая отбросить слабость.

Дверь она решила оставить открытой, не желая, чтобы был шум и чтобы полиция ломилась к ней в комнату; ее смерть должна казаться делом случая.

Она решительно подошла к шкафу и вынула флакон с морфием; сделав себе смертельное впрыскивание, она все прибрала на место, постепенно разделась и легла.

Свинцовая тяжесть стала овладевать ее телом.

– Прощай, моя бедная Мара... Впрочем, для тебя и Станислава это, может быть, счастье, что я покидаю вас. Он-то, по крайней мере, меня скоро забудет, – думала она, закрывая глаза и отдаваясь охватившей ее сладостной дремоте...

Марина вернулась к себе в тревожном настроении: мать показалась ей странной, и смутная грусть сдавила ей сердце. Горячо помолившись, она легла в постель и вдруг разрыдалась; однако горькие и горячие слезы, которыми разрешилась ее тоска, облегчили ее, и она заснула крепким, но тяжелым сном.

Проснулась она поздно и кончала одеваться, когда Фаншетта, бледная и с искаженным от ужаса лицом, влетела к ней в комнату.

– Скорей, скорей, барышня, идите к мамаше. С барыней что-то случилось, и я уж послала за доктором, – бормотала она, задыхаясь.

Марина побледнела и кинулась в комнату матери, где та неподвижно лежала на подушках.

Дочь звала ее и трясла, чтобы привести в чувство, но все было напрасно. Скоро явился доктор и, осмотрев Адаурову, заявил, что она умерла. Марина без чувств упала на ковер.

Известие о внезапной смерти Надежды Николаевны переположило весь дом. Эмилия Карловна и барон Реймар с глубоким сочувствием отнеслись к ужасному положению бедной Марины, решив поддержать ее и помочь, чем могли.

Из уважения к бедной девушке Эмилия Карловна решила не удалять тело матери, как это сделали бы у других, а указала отдельную комнату, которую обтянули черным и поставили в ней катафалк. Покойная, одетая в белое платье и вся усыпанная цветами, лежала в гробу, точно чудное мраморное изваяние.

Бледная, но без слез, Марина молча стояла на коленях у гроба и не сводила отчаянного взора с неподвижного лица усопшей: она больше любила свою мать, бросившую ее без поцелуя, без единого слова на прощанье, чем сама была любима. Но не о том, что мать мало ее любила, думала она в эту минуту; она только чувствовала горе разлуки и давившее ее сознание полного одиночества.

В этом положении нашел ее барон несколько часов спустя. Он остановился у порога и задумался об умершей.

Закованная в эгоизм, та не вдумывалась в свои поступки и не разбиралась в них; загложившая совесть не указала ей даже в последнюю минуту, что она не одна на тернистой житейской дороге, и что у нее есть ребенок, которому она обязана была посвятить всю свою любовь и служить примером. Она же преступно разбила свою жизнь, проматывала состояние и в разгуле искала забвения. Как легкомысленно и непристойно она жила, так и умерла, лишь бы избежать последствий собственного сумасбродства...

С чувством глубокого сострадания и восхищения глядел барон на Марину, которая в своем белом платье, воздушная, словно видение, застыла в неутешном горе, точно надгробный гений.

Она не заметила, как подошел к ней барон, и лишь когда он тронул ее за руку, она вздрогнула и подняла на него глаза.

– Тетя просит вас сойти к нам. Пойдемте. Здесь вы ничем не можете помочь, а одиночество на вас удручающе действует, – сказал он спокойно и помог ей подняться.

Она послушно встала:

– Как вы и ваша тетя добры ко мне; а ведь, кто же я – посторонняя, чужая вам, – тихо сказала Марина, преодолевая охватившую ее нервную дрожь.

Аромат цветов, смешанный с запахом карболки, сделал воздух в комнате удушливым.

Барон взял со стула белый платок и накинул ей на плечи.

Коллеони встретила ее внизу и нежно обняла.

– Вы побудете у меня, дорогая, и я сейчас распоряжусь устроить вас в моей комнате. А после обеда, как хотите, а я вас уложу – вам необходимо отдохнуть. – И добрая старушка отправилась распоряжаться устройством своей дорогой гостью.

– Желаете-ли вы, Марина Павловна, известить кого-нибудь из близких о случившемся? Я к вашим услугам.

– У меня нет никого из близких, – с грустью в глазах ответила она.

– А ваш отец?

– Я не знаю, где теперь папа; да и захочет ли он взять меня, так как он вторично женат.

Она задумалась на минуту и наконец с видимым усилием сказала:

– У меня есть к вам просьба, барон.

– Пожалуйста, располагайте мною.

– Мне надобно узнать, не осталась ли мама кому-нибудь должна и, между прочим, графу Земовецкому. Я знаю, ей вчера не везло в игре, и, может быть, он ссудил ее деньгами; так вот я хочу покрыть этот долг. Будьте добры, спросите его. Он, кажется, ваш родственник?

– Да. Станислав мой двоюродный брат и, как только я его увижу, непременно спрошу, не было ли счетов между ним и вашей матушкой.

– Потом, мне хотелось бы узнать, что будут стоять приличные похороны и памятник. У меня в распоряжении несколько тысяч франков, мамины бриллианты и мои золотые вещи; я надеюсь, что этого хватит на расходы.

У Марины появились на глазах слезы.

Разговор прервало появление Эмилии Карловны, которая пришла сказать, что портниха ждет, и увела Марину заказывать траурное платье.

Так прошло время до обеда, после которого хозяйка уложила спать бледную и изнуренную Марину.

Вечером явился граф Земовецкий. Это был красивый и представительный молодой еще человек с прекрасными манерами; только усталая пресыщенность, которой от него веяло, видневшиеся кое-где на лице преждевременные морщины, да просвечивающая лысина свидетельствовали, как широко он пользовался жизнью.

Внезапная смерть Адауровой служила, понятно, темой разговора барона, и Станислава.

– Жаль, жаль ее! Чудная женщина! Хороша была, как Венера, а какой темперамент!.. Так ты убежден, Реймар, что она отравилась?

– Так, по крайней мере, сказал доктор.

– *Diable!* Правда, вчера ей феноменально не везло в игре, но ведь из-за этого не стоило же кончать самоубийством, – пожимая плечами, заметил граф, спокойно закуривая сигару.

– Кстати, должна она тебе что-нибудь? Марина Павловна просила передать, что желает, в таком случае, уплатить долг матери.

– Фю-ю! И долг-то этот пустой, каких-нибудь тридцать тысяч франков. Да из чего бедняжка заплатит, если они к тому же разорены? Прошу тебя передать ей, что мать ничего мне не должна. По правде говоря, любовь-то ее ведь стоила чего-нибудь, а она ни копейки от меня никогда не требовала, – улыбаясь закончил граф.

– Если ты этим способом желаешь рассчитаться с покойной за ее любовь, я, понятно, буду молчать, – холодно ответил барон.

– Главным образом, я имею в виду бедную девочку, которую мне от души жаль. Надин... т. е. я хочу сказать Надежде Николаевне, очень нравилось, что я прозвал ее дочь «блуждающим огоньком». Пока Марина еще ребенок, но когда она развернется, тогда это будет женщина... восхитительная.

И Станислав вкусно поцеловал кончики пальцев.

Вошла Эмилия Карловна и помешала ответу барона; она была в возбужденном, казалось, состоянии и обмахивалась платком. Поздоровавшись с ними, она села.

– Ах, мой милый Станислав, как я расстроена. Вот уж бессовестная мать, эта Адаурова. Таскала, таскала за собой всюду дочь, разорила ее, а потом равнодушно бросила на произвол судьбы. Как она не подумала о тех опасностях, которым подвергается такая красивая девушка, живя одна, без средств, где-нибудь в меблированных комнатах!

– Это правда, – сказал барон. – Не позаботься ты о ней, бедняжке пришлось бы сидеть одной наверху, рядом с покойницей, что для нее было бы невыносимо тяжело. А что, как она теперь?

– Уснула от усталости. Ах, как мне жаль бедную девочку; но я ее не оставляю. Я напишу отцу и выскажу ему всю правду. Он обязан позаботиться о ней, приютить Марину, создать ей положение и выдать замуж. Ведь, это же его дочь! Чем виноват ребенок, что родители разошлись? Не можешь ли ты, Станислав, доставить мне адрес Адаурова? Он женат вторым браком на твоей кузине, сказала мне Марина.

– Конечно, тетя, ведь он женат на Юлианне. Я его хорошо знаю: это вполне порядочный человек и очень богатый; а кузина Юлианна – хорошенькая женщина, но хитра, как бес, и держит мужа в руках. Я бываю у них, и при первой же встрече поговорю с ним о дочери.

– Нет, спасибо. Дай мне только его адрес, а мое письмо ему перешлют. Не стоит ждать так долго; я напишу, что дочь его здесь без всякой поддержки.

И Эмилия Карловна протянула ему свою записную книжку и карандаш.

На следующий день, поутру, едва Марина успела одеться, как у калитки остановилась коляска, из которой вышел какой-то господин в сопровождении лакея, несшего за ним чемодан.

Это был высокий плотного сложения человек средних лет с правильными чертами лица. Черные густые волосы были чуть подернуты проседью, но легкая походка, молодцеватость фигуры и блестящие живые черные глаза придавали ему моложавый вид.

Он был озабочен, по-видимому, и спросил по-итальянски у Мариетты, где квартира госпожи Адауровой и дома ли ее дочь. По указанию горничной незнакомец пошел к крыльцу, где его уже ждала Марина, видевшая из окна, как он подъехал, и сразу узнала отца, несмотря на долгие годы разлуки.

Марина волновалась и дрожала. Смертельно бледная, она стояла в нерешительности, не зная как его встретить: поклониться ли ему, как чужому, или броситься на шею, как подсказывало сердце.

Идя к ней, Адауров тоже не сводил с дочери глаз. В своем траурном платье она казалась выше и тоньше, а черный креп вокруг шеи яснее оттенял мраморную белизну прекрасного лица и дивный пепельный цвет волос.

Прочел ли Адауров в глазах Марины томившую ее неуверенность, но он положил ей конец, протянув к ней руки.

– Марина, милая, – дрогнувшим голосом глухо сказал он.

– Папа, – почти крикнула она в ответ, охватывая руками его шею и прижимая голову к груди отца.

Это был искренний крик души, и три произнесенных ими слова опрокинули все преграды, воздвигнутые между дочерью и отцом годами и обстоятельствами.

Минуту стояли они, крепко обнимая друг друга; потом Марина повела отца в гостиную, где Фаншетта сняла с него пальто, и она со счастливой улыбкой усадила его рядом с собой на диван.

– Наконец-то, дорогая, ты мне возвращена. Не думай, что я когда-нибудь забывал про тебя; это твоя мать в своей непримиримой злобе не допускала меня до свидания с тобой, – сказал Павел Сергеевич, нежно целуя дочь.

– А как же ты, папа, узнал о маминой смерти? Ведь это случилось так неожиданно...

– Она сама телеграфировала мне в Виши и вызвала меня сюда, к тебе. Ты тоже знала, что я там?

– Нет, я ничего не знала. Мама никогда не упоминала твоего имени, да и мне запретила говорить про тебя. Но я тоже никогда тебя не забывала. Ты не можешь себе представить, как мучила меня мысль, что ты меня забыл и разлюбил. Смотри.

Она вытянула из-за воротника золотую цепочку, достала медальон, который носила на груди, и открыла его. Там был вставлен портрет Павла Сергеевича в молодости.

– Я нашла его как-то в шкатулке у мамы и уже много лет ношу его; утром и вечером я гляжу на твой портрет, чтобы не забыть твое лицо.

Глубоко тронутый, Адауров прижал ее к своей груди.

– Теперь уж никто не отнимет тебя у меня, и мы больше не расстанемся. Я постараюсь своей любовью сгладить все горести прошлого.

Она положила голову на плечо отца и глубоко вздохнула, но вдруг выпрямилась, и в ее глазах блеснули слезы.

– Папа, ведь ты женат... – нерешительно проговорила она. – Захочет ли твоя жена, чтобы я жила у тебя?

Точно легкая тень скользнула по лицу Павла Сергеевича, но тотчас же он твердо сказал: – Я хозяин в своем доме и, надеюсь, имею право приютить у себя моего единственного ребенка. Твоя *belle mege* отнесется к тебе, моей дочери, с подобающим вниманием. За расположение и симпатию, понятно, отвечать не могу, но что ты найдешь любезный прием, в этом можешь быть уверена. А теперь сведи меня к покойной, я хочу ее видеть и поклониться ее праху.

Марина встала и повела его в комнату, где стояло тело; открыв дверь и впустив отца, она ушла, оставив его одного.

Горевшие восковые свечи желтоватым полусветом озаряли металлический гроб, газ и груды цветов в ногах усопшей. Павел Сергеевич нетвердой рукой откинул газовый покров и облокотился на край гроба.

Смерть стерла, как будто, следы безумной жизни, и на прекрасном, прозрачном, как воск, лице с закрытыми глазами, оттененными пушистыми ресницами, застыло выражение того величавого покоя, которое грозная посланница вечности, смерть, налагает на тех, кого отзывает из жизни.

В памяти Адаурова, когда он нагнулся над покойной женой, восстала вся их прошлая жизнь.

Как страстно он ее любил; но, несмотря на это, легкомыслие и развращенность окружавшей его среды увлекли и его. Конечно, он не думал, что мимолетная связь с разбитной «красавицей» может повлечь за собой трагический конец, что жена в припадке ревности убьет свою соперницу, и, на несчастье, Марина сделается свидетельницей убийства... Потом он раскаялся, но было поздно: жена оставалась глуха к его мольбам о прощении. Мстительная и неумолимая, она отняла у него даже ребенка, которого он обожал. А все-таки он знал, что она любила его по-прежнему, не могла забыть и тщетно искала этого забвения в безумной жизни и игре. Вспоминалась ему теперь радость рождения дочери, проводимые вдвоем вечера и другие подробности их быстро развеянной грезы любви. Покойная дала ему семь лет безмятежного счастья. Но, увы, ее ревнивый эгоизм и желание безраздельно обладать им привели к разрыву. Зато душа ее всегда была для него открытой книгой, в которой он ясно видел все ее достоинства и недостатки.

Невольно напрашивалось сравнение первой жены со второй. Юлианна, лукавая и хитрая, всегда искусно скрывала от него свой душевный мир, ловко окружала его паутиной, и он уже не в силах был порвать эти невидимые путы.

И горячие слезы – последняя дань хоронимому прошлому – безотчетно полились в открытый гроб.

Вошла Марина и увидав, что отец плачет, нежно прижалась к нему.

– Ты плачешь, папа? Значит ты все простил и забыл?

Павел Сергеевич молча кивнул в ответ головой.

– Вот, возьми. Это письмо тебе от мамы, – сказала она, подавая ему толстый запечатанный конверт.

– Три года тому назад, когда мама была очень больна, она отдала его мне, на случай смерти. Выздоровев потом, она его у меня не спрашивала, и я вручаю его теперь.

Тронутый, Адауров спрятал письмо в боковой карман и вышел с Мариной, чтобы обсудить подробности отъезда.

Похороны Адауровой были скромные и совершились на местном кладбище. Из посторонних были только барон с теткой.

По возвращении с кладбища Павел Сергеевич совещался с Эмилией Карловной и, уплатив по счетам, просил приютить у себя Марину пока он съездит в Виши, расплатится и приедет за дочерью, чтобы отсюда уже прямо ехать в Варшаву.

Вечером Эмилия Карловна гуляла у себя в саду, наслаждаясь благоуханным, чудным воздухом светлой, как день, лунной ночи, когда к ней подошел барон.

– Ты одна, тетя?

– Да, друг мой. Марина ушла спать. Она устала, бедняжка, да и отъезд отца взволновал ее. Как я рада за нее! Павел Сергеевич оказался высокопорядочным человеком, истинным джентльменом и, по всему видно, очень ее любит.

– Дай ей Бог всякого счастья. Но я тоже рад, что ты одна и могу с тобой переговорить.

– Так сядем вон там, у балкона, на скамейку. В саду так хорошо, что уходить не хочется.

– Во-первых, к великому моему сожалению, должен тебе заявить, что послезавтра собираюсь уезжать, – начал барон, когда они уселись. – Я получил письмо от управляющего, который вызывает меня по делам домой.

– Боже, как здесь будет скучно без тебя и Марины! Я останусь совсем одна, – вздохнула тетка.

– По этому случаю я хочу сделать тебе следующее предложение. Ты здесь одна, да и я, по смерти отца, тоже остался в одиночестве, а хозяйство на руках прислуги; вот и переезжай ко мне. Виллу можно было бы сдавать внаем, а Каспар такой честный и преданный малый, что совершенно можешь на него положиться. Я буду очень рад иметь тебя при себе, да и ты не будешь скучать.

– Твое предложение, дорогой Реймар, очень заманчиво, но я должна заметить, что мое присутствие окажется лекарством крайне не действенным против гнетущей тебя тоски. Попросту говоря, тебе надо жениться, мой милый. Тебе двадцать восемь лет, ты – последний в роде и потому обязан подумать о его продолжении; а красивая молодая жена быстро разгонит скуку.

– Ах, тетя! Не могу же я жениться только для того, чтобы спасти от вымирания семью баронов Фарнроде, – с досадой ответил он, проводя рукой по своим густым волосам. – Нельзя жениться без любви.

– Кто же про это говорит? Разумеется, ты должен любить женщину, на которой женишься. Уж будто тебе никто не нравится?

Не получая ответа, она наклонилась и с улыбкой взглянула в задумчивые глаза племянника.

– Ну-ка, исповедуйся! Моя опытность, кажется, меня не обманула. Марина тебе приглянулась, так почему бы тебе не жениться на ней? Она очаровательна, а в настоящее время, поселясь в доме отца, приобретет в обществе совсем иное положение.

– Нет, тетя, не будем об этом говорить. Я не стану отрицать, что Марина мне нравится, и в этом главная причина, почему мне надо избегать ее. Но вспомни, на какой нездоровой почве выросла она. Это – болото, покрытое зеленым ковром, под которым скрыта бездна, и горе тому, кто решится ступить на зыбкую почву: тина его засосет... Слишком опасно тянуться за этим „блуждающим огоньком“.

Пока она еще ребенок; но когда в ней проснется женщина, со всем тем ядом, который она успела всосать в себя, это может окончиться большим для меня несчастьем. Затем, какой ужасный пример был у нее перед глазами в лице матери, этой прожигательницы жизни, отдавшей себя разгулу, нарядам и кокетству, жившей лишь для улицы и удовольствий и вращавшейся среди таких же беспутных мужчин. Какие понятия о семейной жизни могла вынести Марина из той толчеи, в которой росла, окруженная пошлой, циничной толпой мамашиних обожателей, обкармливавших ее сладостями и осквернявших своей грязью ее детскую душу?

Правда, Марина дивно хороша и будет со временем еще прекраснее, но женщина в ней еще спит пока, и я боюсь ее пробуждения... Что она будет делать в нашей одинокой усадьбе, в хозяйстве, где царят порядок и бережливость, и где хозяйка должна сама смотреть за всем? Удовольствуется ли она честным, любящим мужем-тружеником, который не может мыкаться с ней по Европе и без счета мотать деньги? Да и захочет ли вообще такая красивая женщина

ограничиться поклонением одного только мужа? Теперь, в свою очередь, признайся откровенно, милая тетя, прав ли я, и можешь ли ты, по совести, уговаривать меня жениться на этой обаятельной, но опасной девушке?

Эмилия Карловна опустила голову.

– Не стану опровергать твои доводы, но думаю, что ты преувеличиваешь, и этот милый, симпатичный и несчастный ребенок стал бы в твердых любящих руках достойным любви порядочного человека. Но, сохрани Бог, чтобы я стала тебе советовать такой рискованный опыт, тем более, что трезвость твоего суждения и предвидение опасности доказывают, что Марина тебе только нравится, но что роковая, безумная любовь тебя не ослепляет.

Они замолчали, кругом было тихо, как вдруг где-то вблизи послышалось сдержанное рыдание.

Реймар побледнел, вскочил и смущенно оглянулся на дом, у стены которого стояла их скамейка: над ними приходился балкон комнаты Марины. Однако верхнее помещение теперь пустовало, и молодая девушка спала в комнате тетки, на другой стороне дома; тем не менее рыдание донеслось сверху.

Встревоженная Эмилия Карловна в недоумении смотрела то наверх, то на племянника.

– Я схожу поглядеть, спит ли она? Кто же это мог плакать, – сказала она, торопливо направляясь к террасе.

Постель Марины была пуста, а Мариетта доложила, что та не могла, по-видимому, заснуть, встала и сказала, что пойдет наверх за книгой.

– Уж с полчаса, как барышня ушла, – добавила она.

Встревоженная Эмилия Карловна пошла наверх. Везде было пусто и тихо, лишь комната Марины оказалась запертой на ключ, и, сколько она ни стучала, дверь не открылась.

Очень огорченная вернулась она к племяннику, который в беспокойстве, злясь на свою неосторожность, ходил по террасе.

– Бедняжка все слышала, – со слезами на глазах сказала старушка.

На другой день Марина занята была укладкой вещей и не сошла вниз, а обедала у себя в комнате; потом она ездила на кладбище и свезла венок на могилу матери.

На следующий день Фарнроде уехал, а к вечеру приехал за дочерью Адауров.

Утром Марина, уже в дорожном платье, пришла перед отъездом проститься с хозяйкой и поблагодарить ее за доброту и заботы о ней.

Растроганная старушка много и крепко целовала ее и желала ей всякого счастья в будущем.

– А вы напишете мне, как вы там живете? Или сердиты на злую старуху? – с улыбкой сказала она, заглядывая в смущенные глазки Марины.

– Если вы желаете и интересуетесь моей судьбой, я охотно вам напишу. А за что мне сердиться? Напротив, я могу быть вам только благодарна за ваше лестное обо мне мнение. Может быть, я и в самом деле не столь ядовита и опасна, как кажусь.

Что-то тоскливое, горькое мелькнуло на ее лице и, обняв еще раз мадам Коллеони, Марина пошла садиться в экипаж.

III

Уже две недели как во всей квартире Павла Сергеевича царила лихорадочная суэта, вызванная полученным из заграницы приказанием генерала привести все в порядок к приезду его с дочерью.

Уборка дома шла под наблюдением старой ключницы, прежней няни Марины, Авдотьи Мироновны, которая одна из прежней прислуги выдержала натиск новой хозяйки и не дала себя выгнать.

Ко дню возвращения Марины под отцовский кров все было готово. Ее ждало уютное гнездышко, состоявшее из голубой спальни, розового бархатного будуара и зеленой гостиной; на окнах висели кружевные занавески, в жардиньерках посажены цветы, драгоценные безделушки расставлены по этажеркам.

Прежде это были комнаты Надежды Николаевны; но после разрыва с женой Адауров приказал их закрыть, ничего не трогая, и теперь отдал дочери. Для второй жены он отвел комнаты в другом конце дома. Сама Юлианна Адамовна гостила пока у родных и должна была вернуться месяца через полтора.

Обойдя комнаты матери, в которых часто играла ребенком, и увидав вновь свою прежнюю „детскую“, обращенную ныне в гардеробную, где сохранился даже шкаф с ее игрушками, Марина разрыдалась под наплывом воспоминаний.

Она живо устроилась в своем гнездышке и сразу хорошо себя почувствовала; отсутствие мачехи служило ей громадным облегчением, давая возможность осмотреться и войти в новую жизнь.

Отца она видела лишь за обедом; он рано вставал, проводя утро и часть дня на службе. Эти часы уединения были для Марины истинным наслаждением и благотворно действовали на ее душу; она отдыхала после всех волнений и чувствовала себя, точно очнувшись от тяжелого кошмара бродячей жизни. Теперь она без дрожи не могла вспомнить это дикое мыканье с одного модного курорта на другой, томительные разъезды по балам, спектаклям и скачкам, вечную смену туалетов, точно на сцене, и вообще всю эту пустую, шумную, бестолковую жизнь, которая ничего не давала, кроме пресыщения и усталости.

Когда умерла мать, она жалела ее от всей души; но, странное дело, ее кончина не оставила пробела в жизни Марины. У Надежды Николаевны всегда не хватало времени для дочери, и покинула она ее без единого слова на прощанье. Это себялюбивое равнодушие – а Марина догадывалась об истинной причине смерти матери – оставило в ее чуткой, любящей душе смутное впечатление тоски и обиды.

Павел Сергеевич был к ней добр и нежен; послеобеденное время он зачастую проводил с дочерью, катался с ней и подолгу разговаривал; но, в общем, предоставил ей полную свободу, назначил на карманные расходы довольно большие деньги и засыпал подарками. Марина привязалась к нему со всей нежностью своего больного сердца, но выказывала ему свою привязанность как-то застенчиво, и это трогательное чувство все больше и больше привлекало к ней отца.

Стоял сырой октябрьский день. Марина была одна в своей гостиной, а отец уехал по делам и должен был вернуться лишь на следующий день. Она сидела грустная и задумчивая, а на лице снова было горькое выражение, которого не замечалось в последнее время.

В комнатах уже стемнело. Она зажгла электричество и, поставив около себя на табурете большой, обтянутый красной кожей ящик, который привезла из Монако, принялась выбирать из него вещи. Весь стол был завален живописными видами „лазурного берега“, Ниццы, Биаррица, Трувиля и пр., разными портретами да безделушками, принадлежавшими покойной Надежде Николаевне. Марина взяла в руки и с пасмурным видом стала разглядывать боль-

шую фотографию, изображавшую террасу виллы Коллеони, где за чайным столом сидели сама хозяйка и ее племянник. Эмилия Карловна дала ей эту карточку незадолго до смерти матери, но Марина только сегодня нашла ее в ящике.

„Могу ли я казнить его за жестокое суждение обо мне? – думала она, глядя на открытое энергичное лицо барона Реймара. – Нет, не могу, если хочу быть справедливой. Человек честный и прямой, раб своего долга, как он, вправе требовать от женщины, которую полюбит, таких же строгих правил и цельной души, незапятнанной той грязью, в которой выросла я“.

„Конечно, он не мог знать, что вся эта светская толпа и сутолока внушают мне одно лишь отвращение, что я всей душой стремлюсь к скромной, тихой семейной жизни. Он не догадывается, что мне нужна любовь честного энергичного человека, которого я могла бы уважать и любить, который был бы для меня поддержкой, руководителем в жизни, другом и которому с полным доверием я открыла бы всю мою душу“.

Она вздохнула, бросила фотографию в ящик и, откинувшись на спинку кресла, глубоко задумалась. Прошлое с удивительной ясностью просыпалось в ее памяти.

Вот перед ней салон матери, вечно набитый людьми всех возрастов, положений и народностей: тут лорды, князья и бароны, художники и музыканты, певцы и финансисты. Вся эта щеголеватая толпа со свободными нравами и неряшливой, циничной болтовней всегда была ей противна; никто ей не нравился, и она смертельно скучала в этом обществе, где ни о чем ином не говорилось, как об игре, обедах, лошадях и любовных похождениях. Попутно вспомнился ей баснословно богатый банкир-еврей, который усиленно ухаживал за ней последнюю зиму, которую они проводили в Париже, и сделал ей предложение. Надежда Николаевна довольно благосклонно приняла его предложение, но Марина отказала наотрез, с редким мужеством заявив при этом, что если ее будут принуждать, то она обратится за защитой к отцу.

Это воспоминание невольно вызвало сравнение себя с матерью, чарующая красота которой покоряла все сердца и собирала вокруг толпу обожателей.

Разумеется, она не была так хороша, как Надежда Николаевна, ей, очевидно, не доставало того, что граф Земовецкий называл в шутку „le charmedemoniaque“. Тем не менее, могла же она нравиться и ей не раз случалось подмечать обращенные на нее восхищенные взгляды. Барону Реймару она тоже несомненно нравилась и слышала это из его собственных уст; а вот он, однако, считал ее опасной наравне с матерью, за которой, впрочем, никогда не ухаживал и даже строго осуждал ее совместно со своим кузеном, графом Станиславом, открыто волочившимся за Надеждой Николаевной, засыпавшим ее цветами и не отходившим от ее кресла, пока та вела свою безумную игру в рулетку. Да, хоть барон Фарнроде и не похож на других, а все же побоялся вырвать ее из окружавшей тины...

На нее нахлынула новая волна горечи. Сегодня она собралась ответить на полученное накануне письмо от Эмилии Карловны, интересовавшейся ее здоровьем, но в эту минуту она чувствовала себя неспособной писать ответ и вообще всякое воспоминание о Монако стало ей невыносимо.

Она начала поспешно укладывать обратно в ящик разбросанные по столу вещи и так углубилась в эту работу, что не заметила, как дверь тихонько отворилась, и нарядная дама в темно-зеленом дорожном костюме, в большой черной шляпе остановилась на пороге, пристально, испытующе в нее всматриваясь.

– Марина, *chere enfant, enfin je vous vois*,² – сказала она звучным голосом и быстро направилась к молодой девушке.

Застигнутая врасплох, Марина встала смущенная и пошла мачехе навстречу.

– Ах, какая вы прелестная! Дайте вас обнять, – продолжала Юлианна, целуя ее в обе щеки. – Но отчего вы бледны и глазки грустные?

² Марина, дорогое дитя, наконец-то, я вас вижу.

Она все еще пытливым взглядом осматривала сконфуженную Марину, словно взвешивала, может ли та быть для нее опасной. Но это пристальное оглядывание промелькнуло быстро; она сразу же решила, что, несмотря на свою воздушную красоту, Марина слишком скромна, наивна и вяла, чтобы оспаривать у нее успех в свете. И она еще раз нежно обняла падчерицу.

– Надеюсь, что вашему отцу и мне скоро удастся рассеять эту грусть, которая совсем не пристала вашему возрасту. Мы вас так будем любить и баловать, что вам придется повеселеть. А теперь до свидания: я пойду переоденусь и отдохну. К вечернему чаю я приду за вами, и мы поболтаем.

Оставшись одна, Марина села и задумалась.

Она заметила, но не поняла смысла испытующего взгляда мачехи; со своей стороны и она с любопытством рассматривала Юлианну и должна была сознаться, что вторая жена отца была очень хороша собой.

Юлианна приближалась к тридцати годам. Она была среднего роста, хорошо сложена и стройна; цвет лица был бледно-матовый, глаза большие, исчерна-серые, под густыми, почти сросшимися бровями, нос прямой с тонкими ноздрями. Во всем сказывалась натура страстная, своевольная, но привлекательная, хотя на падчерицу она произвела неблагоприятное впечатление. Марина, чуткая и впечатлительная, инстинктивно почувствовала, что та неискренна и ее не любит, несмотря на расточаемые нежности; а в глазах Юлианны она подметила что-то холодное и жестокое. Несмотря на то, что Марина не давала себе полного отчета, в ней бессознательно пробуждалось чувство недоверия к мачехе.

Со дня приезда хозяйки строй дома совершенно изменился: все оживилось и пришло в движение.

Ежедневно, то к обеду, то вечером бывали гости, мужчины по преимуществу.

Как-то утром Юлианна объявила Марине, что надо позаботиться о туалетах на зиму.

– Да ведь я же в трауре, – возразила Марина, испуганная повторением прежних скучных хлопот с портнихами.

– Я знаю ваш гардероб, но он совершенно недостаточен, дорогая моя. Я очень уважаю ваш траур, но в ваши годы нельзя же замуровать себя, да и ваш отец этого не желает. Я хочу познакомить вас с семьями друзей и родственников, и нам необходимо сделать визиты. Не на больших балах, конечно, а в семейных, интимных кружках вам бывать необходимо, а на подобные случаи надо иметь подходящие туалеты.

И вот началось рысканье по магазинам и портнихам, а в результате – заказ целой серии белых и черных платьев.

Юлианна задумала поскорее во что бы то ни стало выпихнуть падчерицу замуж, чтобы избавиться от неудобной соперницы: свежая, юная прелесть Марины могла, как распускающийся цветок, скоро развернуться и быть ей опасной в деле светских успехов. Однако несмотря на твердую решимость сократить по возможности срок пребывания Марины в отцовском доме, Юлианна окружала ее всевозможными заботами и нежностями, а расчет ее был верен. Она поняла, что Павел Сергеевич обожает дочь и старается вознаградить ее за изгнание и долгую разлуку, а потому, конечно, будет благодарен жене за внимание к Марине.

Однажды утром Марина кончала, наконец, письмо к Эмили Карловне, как вошла Юлианна. Стараясь приобрести доверие падчерицы, она часто невзначай заходила к той поболтать; но при этом избегала упоминать в разговоре имя ее матери, понимая, насколько это было неприятно молодой девушке.

– Ах, извините, милочка, вы кажется пишете и я вам помешала? – с улыбкой извинилась она.

– Нет, нет, я кончила свое письмо к мадам Коллеони и даже запечатала его. Пожалуйста останьтесь, – покраснев, ответила Марина.

– Я тоже знаю, хотя по имени только, некую Коллеони в Монако. Может быть, это и есть та самая, с которой вы переписываетесь? – расспрашивала Юлианна, усаживаясь.

– Вот именно. Мы жили у нее на вилле, где и скончалась мама. Она и ее племянник, барон Фарнроде, были очень добры ко мне и всячески помогали в это тяжелое время. Мадам Коллеони пожелала, чтобы я написала ей, а я, к моему стыду, только сегодня исполняю свое обещание.

– Я и не знала этих подробностей. Поль не любит говорить о прошлом, и я вполне понимаю и уважаю его горе. Значит, вы познакомились с моим двоюродным братом Фарнроде? Теперь я вспоминаю, что другой мой cousin, граф Земовецкий, говорил мне, что видел Реймара осенью в Монако.

– Ах, вы видели графа? Я его немного знаю. Он тоже играл в Монако и был знаком с мамой.

Марина опустила голову и не видала насмешливого взгляда мачехи.

– Я ведь лето провела у родных; а наша земля граничит с Чарной, имением графини Ядвиги Земовецкой – бабушки Станислава и Реймара. Стах вернулся из-за границы ко дню рождения графини, у которой я его видела.

– Как? У барона и графа одна бабушка? – удивилась Марина.

– Вас поражает, что у немца и поляка общая бабушка? – рассмеялась Юлианна. – Не скрою, такое сочетание довольно странно; тем не менее, факт налицо. Если вам интересно, то я расскажу вкратце генеалогию нашей семьи.

Будущее лето я думаю провести, по обыкновению, у родных, да и Поль собирается приехать туда же, после Виши; вы, конечно, будете со мной, и мне хотелось бы, чтобы вы подружились с моими и хорошо там себя чувствовали.

– Конечно, если они будут ко мне так же добры, как и вы. Я буду вам очень благодарна, если вы расскажете мне...

– Про вашу новую родню? – весело перебила ее Юлианна. – Так слушайте. Но, чтобы вы меня лучше поняли, мне придется начать издалека. После восстания 1830 г. много польских дворян было разорено, в том числе и мой дальний родственник Франциск Чарнинский, который бежал в Австрию.

Во время долгих тяжелых лет изгнания ему посчастливилось жениться на дочери какого-то банкира, будто бы миллионера, а потом попасть под амнистию и вернуться на родину. Имения его, конфискованные и проданные, были конечно безвозвратно потеряны. Тогда он купил Чарну у своей родственницы, графини Земовецкой, муж которой незадолго перед тем застрелился, оставив вдову с семилетним сыном и весьма расстроенное состояние.

У Чарнинских родилась дочь Ядвига, а когда, вскоре затем, умерла графиня Земовецкая, то они взяли к себе маленького Станислава, воспитали его и женили на своей единственной дочери. От этого брака было двое детей: Болеслав, отец известного вам Стаха Земовецкого, и дочь Ванда, которая вышла замуж за барона Фарнроде и была матерью Реймара. Вот вам вся история в нескольких словах. Добавлю только, что мой отец происходит от младшего брата того эмигранта Франциска Чарнинского. Остальные семейные подробности я расскажу вам как-нибудь на месте, когда вы познакомитесь со старой графиней Земовецкой. Король-баба, одно можно сказать, – засмеялась Юлианна.

Марина слушала ее внимательно. Правда, она была совершенно равнодушна к генеалогии чужих для нее людей; зато все, что касалось барона Реймара, пробуждало в ней глубокий интерес пополам с горечью.

Поболтав затем о разных разностях, Юлианна увезла Марину делать визиты.

В короткое время Марина приобрела довольно обширный круг знакомых. Из всей этой массы новых знакомых только одна молодая женщина с первого же раза завоевала живое расположение Марины, и это чувство росло с каждой встречей.

Валентина Антоновна Булавина приходилась по мужу родственницей Адауровым. Молодая чета жила небогато, но Марина отлично себя чувствовала в их доме, где все было уютно, просто и дышало радушием и спокойствием. Умный, живой и разнообразный разговор Булавиной всегда возбуждал глубокий интерес в одиноко росшей девушке, жаждавшей познания, и воспитание которой было заброшено.

IV

Марина часто бывала у Булавиной, которая занималась с ней и много читала по истории, литературе и даже географии России. Павел Сергеевич был доволен таким сближением.

– Я рад, что ты оценила Валентину Антоновну, и что она, со своей стороны, полюбила тебя, – сказал он как-то, целуя Марину. – Бывай у нее почаще: это высокопорядочная, образованная и умная женщина, общество которой принесет тебе громадную пользу.

Марина тем охотнее воспользовалась этим разрешением, что в гостинной ее мачехи появились личности, крайне ей несимпатичные.

Во-первых, граф Станислав Земовецкий, напоминавший ей Монако, смерть матери, знакомство с Фарнроде и разные мелкие неприятные подробности жизни. Встреча с графом даже ошеломила ее; она не знала почему, но присутствие Земовецкого в доме отца ей было невыносимо. Но граф не замечал, казалось, такого неприязненного отношения и отменно вежливо отнесся к Марине, когда Адауров представил его дочери.

– Я уже имею честь быть знакомым с Мариной Павловной, встречаясь с ней у моей родственницы мадам Коллеони, на вилле которой жил тогда мой двоюродный брат барон Фарнроде.

Умолчание о матери Марина приписывала светскому такту графа, и хотя была очень ему за это благодарна, тем не менее вид Станислава и его частые посещения злили ее.

Второй антипатией Марины была одна дама, состоявшая, по словам Булавиной, в большой дружбе с Юлианной.

– Ее муж директорствует в каких-то акционерных предприятиях и зарабатывает громадные деньги. Супруга мотает деньги на туалеты, а муж не остается в долгу и проживает на актрис тоже бешеные суммы, – презрительно пояснила Валентина Антоновна эту характеристику.

Эта особа, Текла Тудельская, была женщина лет тридцати шести, отчасти миловидная, но растолстевшая, хотя очень разбитная, смелая и отчаянная кокетка. Граф Станислав открыто за ней ухаживал.

На Марину Тудельская сразу произвела неприятное впечатление своим подмалеванным лицом, развязными манерами и бесцеремонным пристаиванием к Земовецкому. Марина вспомнила, что видела эту даму еще в Монако незадолго до смерти матери; однажды, когда Надежда Николаевна чувствовала себя нездоровой, а Марина каталась с Эмилией Карловной, им навстречу попала Тудельская, гулявшая под руку с графом Станиславом и нежно на него поглядывавшая.

На третий день Рождества праздновалось рождение Павла Сергеевича, и у Адауровых бывал по этому поводу всегда большой обед и вечер.

В доме целый день толпился народ, но Марину, очаровательную в своем белом платье, эта толпа и шум утомили.

Тудельская, очень нарядная, в кружевном, осыпанном блестками платье, уехала после обеда, так как обещала быть еще на вечере у родных; некоторые из обедавших тоже разъехались, мужчины ушли в кабинет к генералу курить и пить кофе, а дамы-винтерши уселись за карточные столы.

Марина хотела воспользоваться затишьем перед вечером и отдохнуть у себя в комнате. Она незаметно исчезла из зала и через будуар Юлианны вышла в коридор, который вел к ее комнате. Вдруг она вздрогнула, удивленная, и остановилась. Через полуотворенную дверь она услышала шепот голосов и увидела из-за приподнятой портьеры мачеху и графа Земовецкого, который, держа руки Юлианны, страстно целовал их. Комната, в которой они стояли, соединялась с будуаром генеральши, служа ей не то библиотекой, не то уборной, и обыкновенно посторонние туда не заходили.

– Ты так дивно хороша сегодня, Юлианна, что святого можешь с ума свести, – шептал граф, пожирая ее глазами, и вдруг притянул ее к себе так близко, что лица их коснулись друг друга.

Юлианна действительно была хороша в своем красном платье и с чайной розой в иссиня-черных волосах.

Она тихо засмеялась, отняла руки и оттолкнула графа.

– Брось ты эти глупости, Стах. Того гляди, войдет сюда Поль, и выйдут неприятности; он ревнив, как турок, и в таких делах шутить не любит.

Она хотела уйти, но Земовецкий настиг ее у дверей и смело поцеловал в обнаженную шею.

Оба они давно ушли через другую дверь в будуар, а Марина все еще стояла, словно застыла на месте. Что значила эта сцена: родственная шутка или ухаживание?

Хотя они говорили по-польски, но Марина поняла все, так как успела освоиться с языком, слыша его постоянно вокруг себя.

Юлианна сказала: „Поль ревнив“; стало быть, отец не одобрил бы того, что здесь сейчас произошло. Марина знала, что отец обожал жену; случайно она видела, когда Юлианна зашла вечером в его кабинет, как он посадил ее к себе на колени и стал страстно целовать ее алые губки. Она убежала тогда, сама не зная почему, но чувство горечи охватило ее, и она почувствовала себя лишней, как чувствовала это прежде, живя при матери. Никому она не нужна, никто ее не любит, а единственный человек, которому она желала нравиться, боялся ее. Почему же тогда никто не боялся матери или не боялся Юлианны?

Совершенно расстроенная, убежала она к себе в комнату и старалась овладеть собой; зная, что ей предстоит выйти к гостям, она не хотела выдавать своего волнения.

Приняв успокоительных капель и понюхав английской соли, Марина слегка успокоилась и стала убеждать себя, что это была простая вольность, которую граф позволил себе в отношении своей хорошенькой кузины и подруги детства; кроме того, он ведь влюблен в Тудельскую.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.